

УДК 81-119

DOI: 10.18384/2310-712X-2015-6-36-46

Стеколыщикова И.В.*Московский городской педагогический университет*

КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ В НАУЧНЫХ ТРУДАХ ЛИНГВИСТОВ НАТУРАЛИСТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному исследованию проблемы классификации языков в научных трудах некоторых лингвистов XIX в., придерживающихся натуралистической концепции языкознания: Фридриха Макса Мюллера, Абеля Овелака и Уильяма Дуайта Уитни. В статье анализируется подход названных лингвистов к составлению генеалогической и морфологической классификаций языков, к проблеме развития языка, к вопросу о преобразовании видов в лингвистике и к некоторым другим смежным вопросам. Анализ подтверждает: лингвисты, придерживающиеся натуралистической концепции языкознания, полагают, что языки переходят с течением времени из одного типа в другой (от простого к более сложному), благодаря собственному развитию и развитию цивилизации.

Ключевые слова: язык, натурализм, генеалогическая классификация, морфологическая классификация, изолирующий, агглютинирующий, флективный, полисинтетический, языковая семья, преобразование видов.

I. Stekolshchikova*Moscow City Teacher Training University*

CLASSIFICATION OF LANGUAGES IN THE SCIENTIFIC WORKS OF LINGUISTS OF NATURALISTIC SCHOOL

Abstract. The article is devoted to the comparative analyses of the problem of languages classification in the works of some linguists of the XIX century, belonging to the direction of linguistic naturalism: Friedrich Max Müller, Abel Hovelaque and William Dwight Whitney. The article touches upon the approach of these linguists to the problem of genealogical and morphological classifications of languages, to the problem of language evolution, to the question of the transmutation of linguistic patterns and to some other related questions. The study shows that the linguists of naturalistic school were convinced that languages develop and evolve together with civilization from simple to more complex forms.

Key words: language, naturalism, genealogical classification, morphological classification, isolating, agglutinative, inflective, polysynthetic, language family, transmutation of species.

Одним из важнейших объектов исследования в языкознании является изучение родства языков и составление генеалогической и морфологической классификаций языков. В данной статье мы рассмотрим и сопоставим взгляды на указанные проблемы трёх представителей натуралистического течения в лингвистике из

трёх стран: английского ученого Фридриха Макса Мюллера, французского учёного Абея Овелака и американско-го учёного Уильяма Дуайта Уитни.

Если говорить о подразделениях в области языков, то этот вопрос подробно изучал в своих трудах («Теория Дарвина в применении к науке о языке» (1863), «Немецкий язык» (1869) и др.) классический представитель лингвистического натурализма, специалист по сравнительно-историческому языкознанию, немецкий учёный Август Шлейхер. Об этом достаточно много написано, поэтому мы сосредоточимся на других представителях натуралистического течения в языкознании, чьи лингвистические концепции значительно менее исследованы. И одной из наших задач является попытка выявить, что из лингвистического наследия Августа Шлейхера, связанного с классификацией языков, в той или иной степени попало в научные теории М. Мюллера, А. Овелака и У. Уитни.

Начнём анализ с исследований английского филолога и востоковеда, ведущего санскритолога своего времени, профессора Оксфордского университета Фридриха Макса Мюллера. Макс Мюллер, как и Август Шлейхер, занимался сравнительно-историческим языкознанием и составлением **генеалогической** и **морфологической** классификаций языков. В своём труде «Лекции по науке о языке» / «Lectures On the Science of Language» (1861–1864) М. Мюллер говорит о критериях, на которых базируется генеалогическая классификация языков: «В науке о языке генеалогическая классификация преимущественно должна основываться на формальных или грамматических элементах...» [1, с. 130].

Английский учёный поддерживает мнение Августа Шлейхера о двух временных периодах в жизни языка (доисторическом, когда язык активно развивается, и историческом, когда происходит распад языковых форм): «Но прежде, чем языки приходят в упадок, они проходят период роста...» [1, с. 130].

В статье «Расслоение языка» / «La stratification du langage» (1869) М. Мюллер пишет о том, что языки, согласно современным (на тот период) генеалогическим исследованиям, делятся на множество семей: арийскую, семитскую, урало-алтайскую, индо-китайскую, дравидийскую, малао-полинезийскую, банту, полисинтетические американские диалекты. Самыми изученными являются арийская семья (включающая в себя языки Индии, Персии, Армении, Греции, Италии, а также славянские, кельтские, тевтонские языки) и семитская семья (состоящая из вавилонского, сирийского, еврейского, эфиопского, арабского языков и их диалектов) [6, р. 8]. По мнению М. Мюллера, только арийская и семитская семьи заслуживают в полной мере название «семейств», поскольку обе «предполагают существование законченной грамматической системы, предшествующей первому расхождению их диалектов» [1, с. 215].

В «Лекциях по науке о языке» Макс Мюллер выступает за существование «туранской» языковой семьи, состоящей из урало-алтайских и южно-азиатских языков с агглютинативным строением, не входящих ни в арийскую, ни в семитскую языковые семьи: «Всё туранское семейство состоит из приставочных языков и охватывает действительно все языки, на которых говорят

и в Азии и в Европе, за исключением арийского и семитского семейства и китайского языка с сродными ему диалектами» [1, с. 220].

М. Мюллер говорит о том, что название «туранского семейства» применяется к кочующим племенам Азии, в противоположность земледельческим или арийским расам [1, с. 220]. В отличие от многих других учёных, М. Мюллер считает, что нечто общее у этих языков есть: «Эти языки имеют общие элементы, которые они должны были заимствовать из одного и того же источника, и их формальные сходства, хоть и другого характера, чем в арийском и семитском семействах, таковы, что невозможно приписать их простой случайности» [1, с. 220]. Однако не все учёные-натуралисты, как мы убедимся впоследствии, соглашались с выделением туранской семьи языков.

Английский учёный, вслед за Августом Шлейхером, в вышеупомянутой статье «Расслоение языка» выделяет три морфологических типа языков (изолирующие, агглютинирующие и флективные), называя их этапами развития языка: “Il est clair maintenant <...> que nous pouvons imaginer trois états du langage...” [6, p. 13-14].

В «Лекциях по науке о языке» М. Мюллер предлагает к первому – «корневому» (“radical”) периоду (морфологическому типу) отнести «односложные» (“monosyllabic”), или «изолирующие» (“isolating”), языки, не допускающие фонетических «искажений», в которых нет формальных различий между корнем и словом. К языкам такого типа относится, например, китайский язык: “In the first stage, which is represented by Chinese, every word is a root, and has its own substantial

meaning” [7, p. 332]. Иными словами, в таких языках «корни могут употребляться как слова, сохраняя свою полную самостоятельность» [1, с. 217].

Второй период М. Мюллер именуется «суффиксальным» (“terminational”), а также «приставочным», «приклеивным» (“agglutinative”). Это период, в котором два и более корней срастаются для образования слов, причём один сохраняет свою самостоятельность, а другой превращается в простое окончание: “Two or more roots coalesce to form a word, the one retaining its radical independence the other sinking down to a mere termination” [7, p. 331]. Учёный приводит в качестве примера семейство туранских языков. Корневая часть слов в туранских языках рельефно отличается от других элементов, а не «поглощается» ими, как в третьем периоде.

Третий период М. Мюллер называет «флективным» (“inflectional”), а также «органическим» (“organic”), «амальгамным» (“amalgamating”). В языках этого типа все элементы «срастаются» так, что ни один из них не сохраняет своей самостоятельности. Такие языки допускают фонетические искажения как в главном корне, так и в других элементах: “But the component parts began soon to coalesce, so as to form one integral word, liable in its turn to phonetic corruption to such an extent that it became impossible after a time to decide which was the root and which the modificatory element” [11, p. 337]. Этот тип языков лучше всего представлен арийским и семитским «семействами» [1, с. 218].

Макс Мюллер (как и Август Шлейхер) выступает против отдельного выделения полисинтетических языков,

считая их разновидностью агглютинативных: «Число корней, входящих в состав слова, не делает различия, и потому нет надобности допускать четвёртый класс, иногда называемый полисинтетическим или накопляющим, заключающий большинство американских диалектов» [1, с. 247].

О развитии языков М. Мюллер в «Лекциях по науке о языке» сказал следующее: «В отношении к формальной части языка мы не можем миновать заключения, что языки, ныне флективные, были прежде приставочными, а те, которые теперь приставочные, коренными. Большой поток языка попал в бесчисленных диалектах и изменил свою грамматическую окраску, когда время от времени проходил через новые наслоения мысли» [1, с. 252]. Таким образом, Макс Мюллер (вслед за Августом Шлейхером) приходит к мысли о том, что каждый флективный язык однажды был приставочным, а каждый приставочный – односложным: “Every inflectible language was once agglutinative, and every agglutinative language was once monosyllabic” [7, p. 377].

О том же он пишет и в статье «Расслоение языка»: “On trouvera facilement des faits du même genre dans toute grammaire, que ce soit celle d’une langue isolante, agglutinative ou flexionnelle; partout où on trouvera des preuves d’une marche ascendante ou descendante. Partout les mots amalgamés ramènent à l’agglutination, et les mots agglutinés à la juxtaposition; partout une langue isolante tend à acquérir des désinences, et celles-ci tendent à devenir des flexions <...> Aucune langue ne peut être flexionnelle sans avoir passé par les couches agglutinative et isolante; aucune langue ne peut être agglutinative sans plonger par ses ra-

cines dans la couche inférieure, celle de l’isolement” [6, p. 17]. Иными словами, во всех агглютинирующих языках есть следы изолирующих языков, а во всех флективных – следы агглютинации; в свою очередь, в изолирующих языках видна тенденция к агглютинации, а в агглютинирующих – к флективности. Отсюда М. Мюллер делает вывод, что каждый агглютинирующий язык когда-то был изолирующим, а флективный – агглютинирующим.

Однако эта теория не получила у учёного достаточных доказательств. М. Мюллер полагает, что такая версия будет считаться правильной, пока не будет доказано обратного: “I call it a theory, but it is more than a theory, for it is the only possible way in which the realities of Sanscrit or any other inflectional language can be explained” [7, p. 378].

Доказать эту теорию пытался и другой представитель лингвистического натурализма, французский антрополог и языковед Абель Овелака, который, в свою очередь, занимался сравнительно-историческим языкознанием и классификаций языков. А. Овелака считает этимологию лженаукой, поскольку она руководствуется «видимым сходством слов» при сравнении языков [2, с. 17]. В своей работе «Лингвистика» / “La linguistique” (1881) французский учёный выводит следующие критерии определения родства языков: тождество корней, грамматическое тождество, сходство словообразовательных элементов [3, p. 412–413].

А. Овелака подробно рассматривает все известные (на тот период) языки. «Арийскую» семью он называет индоевропейской, а от семитской («семитической») отделяет хамитскую («хамитическую») семью, языки которой

покрывают большую часть Египта и весь африканский берег Средиземного моря. Следует отметить, что учёный выделяет баскский язык и кавказские языки как языки, не принадлежащие ни к одной языковой семье. Он тщательно анализирует африканские, малао-полинезийские, американские языки, при описании которых ссылается на Фридриха Макса Мюллера [2, с. 52, с. 68–70, с. 126–127, с. 130].

Однако А. Овелак опровергает популярную в XIX в. теорию о «туранской» семье языков, которой придерживался М. Мюллер. А. Овелак считает, что она не основана на серьёзных научных фактах, а лишь поддерживает некоторые несерьёзные этнографические концепции: “On peut ranger parmi les conceptions les plus fantaisistes la théorie d’une famille touranienne, qui, malgré son invraisemblance, n’a pas laissé de jouir jusqu’en ces derniers temps d’un certain crédit. Hâtons-nous de le dire, cette théorie ne repose sur aucun fait scientifique, et elle n’a été imaginée que pour soutenir des conceptions ethnographiques très-peu sérieuses” [3, p. 198]. А. Овелак признаёт общее строение языков агглютинирующего типа, но утверждает, что элементы, составляющие эти языки, различны, и их корни не могут быть сближены.

Абель Овелак, как и другие лингвисты натуралистического направления (Август Шлейхер, Макс Мюллер и др.), разделяет языки на три типа, согласно их морфологической структуре: **односложные (изолирующие)**, **агглютинативные** и **флективные**. В своей работе «Эволюция языка» / “L’évolution du langage” (1885) он пишет, что структура первых – простая, структура вторых – сложная, структура последних – ещё

более сложная: “La structure des premières est simple, la structure des secondes est complexe, la structure des dernières est plus complexes encore” [4, p. 9].

К **односложным языкам**, в которых слова являются простыми корнями, А. Овелак относит китайский, сиамский, бирманский, аннамитский и тибетский. Это языки с простейшей структурой, состоящей из одного изолированного корня. Слова в таких языках «образованы из простых односложных, обособленных корней, в принципе независимых друг от друга» [2, с. 31]. В словах-корнях не даётся никаких указаний на лицо, род, число, время, вид; нет никаких элементов отношения, нет ни союзов, ни предлогов, только выражается одна широкая идея. Такие языки представляют собой первую фазу развития языка: “La structure monosyllabique constitue ici la première phase, la phase la plus simple” [5, p. 12].

Баскский, японский, корейский, тюркские, дравидийские, африканские, австралийские, малао-полинезийские, кавказские и многие другие языки А. Овелак называет **агглютинативными** и считает агглютинацию проявлением второй ступени развития языка, развившейся из первой: “... toutes les langues agglutinantes (basques, turc, tamoul, japonais etc.) ont passé par la forme monosyllabique” [5, p. 12]. По мнению французского учёного, «в языках второй формы несколько элементов сопоставляются связно, слитно, агглютинируясь между собой, сливаясь друг с другом...» [2, с. 45]. Таким образом, «агглютинация состоит в главном корне, удержанном в первоначальной форме, и в побочных корнях, если можно так выразиться, потерявших самостоятельность и при-

ставленных к главному» [2, с. 45]. Слово в таких языках составлено из собрания разных элементов, которые уже не имеют каждый своего собственного, первоначального значения. Среди них есть только один элемент, носящий в себе главную идею, смысл. Остальные элементы совершенно теряют независимое значение, а сохраняют частное значение, но уже относительное.

А. Овелака считает, что большинство языков мира являются агглютинативными: “La plus grand partie des langues en est a la second periode agglutinative, par exemple les langues des nègres occidentaux et orientaux <...> des peuples altaïques, le basque, les langues amérícaines, etc.” [4, p. 13].

Точно так же, как Август Шлейхер и Макс Мюллер, Абель Овелака называет полисинтетизм американских языков одной из форм агглютинации: «Таким образом, полисинтетизм не есть первобытная особенность; это, так сказать, расширение, второй фазис агглютинации, и нет основания создавать специальный тип для американских языков» [2, с. 133].

Агглютинативные языки, по мнению французского учёного, с течением времени переходят во флективные, то есть можно говорить о развитии агглютинации во флексию – “évolution de l’agglutination a la flexion” [4, p. 14].

О флективных языках А. Овелака в своей работе «Лингвистика» пишет следующее: «Здесь корень изменением собственной формы может выразить отношения, которые имеет к другим корням. Флексия есть способность корня выражать известное изменение формы» [2, с. 151]. К флективным языкам он относит семитические, хамитические и индоевропейские языки.

Абель Овелака разделяет индоевропейскую и семитическую флексии. В их описании он частично ссылается на исследования, сделанные Августом Шлейхером и Уильямом Уитни [2, с. 152–155]. Во-первых, «в семитической системе не было корней, которыми можно было бы дать какую-нибудь звучную форму», в отличие от индоевропейской системы, где «смысл принадлежит легко произносимому слогу». Во-вторых, «семитический корень допускает все гласные, могущие изменить смысл», а индоевропейский корень имеет «свою собственную, органическую, основную гласную». В-третьих, семитический корень всегда «трёхбуквенный», а индоевропейский корень «гораздо свободнее в своей форме». В-четвёртых, семитическая система имеет только три падежа и два времени («из которых одно соответствует понятию действия совершённого, другое – несовершённого»), а индоевропейская имеет восемь падежей и, по крайней мере, пять времён (имеется «антитеза прошедшего, настоящего и будущего», не существующая в семитизме). В-пятых, в отличие от индоевропейской системы, семитизм «не знает накопления аффиксов на аффиксы, образования производных из других производных; отсюда однообразие семитических языков». Кроме того, строение семитического глагола отличается от глагола индоевропейского тем, что во втором и третьем лице он отличает мужской и женский род субъекта. Наконец, только индоевропейская система обладает способностью «приращать» свои гласные к корню [2, с. 153–154].

Всё вышперечисленное позволило А. Овелаку сделать вывод о том, что

эти семьи языков (семитская и индоевропейская) «вышли совершенно различными путями из агглютинативного фазиса, через который им пришлось пройти, и они столь же независимы друг от друга своим строением, как и своими корнями» [2, с. 154–155].

Таким образом, Абель Овелак, подобно Августу Шлейхеру и Макс Мюллеру, говорит о явлении перехода языков из одной фазы в другую. Французский учёный в своём труде «Лингвистика» назвал этот процесс «преобразованием лингвистических видов» – “la transformation des espèces en linguistique” [3, р. 420], что, по мнению А. Овелака, давно составляет доказанный факт. Он пишет об этом следующее: «Дознано, что языки второго класса, прежде чем прийти в нынешнее своё состояние, прошли через форму первого класса; а языки третьего класса прошли оба первые состояния. Прежде чем сделаться агглютинирующими, урало-алтайские языки были односложны; прежде, чем стать флексирующей, семитическая система была агглютинирующей, а ещё ранее односложной» [2, с. 313]. Доказательства таких преобразований, согласно французскому учёному, можно найти в структуре самих языков: «Все односложные языки представляют очевидные доказательства более или менее осуществляемого стремления к агглютинирующему приёму. Некоторые агглютинирующие языки представляют также стремление к флексии. Наконец, в флексирующих языках встречается много остатков агглютинативного фазиса и даже фазиса односложия» [2, с. 313].

Упоминает А. Овелак в работе «Эволюция языка» и о делении языков на **синтетические**, к которым он относит

санскрит, греческий, латинский языки, и **аналитические** – современные романские языки, например. Он считает, что синтетические языки преобразовались в современные аналитические в результате деградации языков, так называемого «упадка», более быстрого в случае с одними языками и менее быстрого – в случае с другими: “Telle est, en effet, l'oeuvre de la décadence linguistique, décadence moins hâtive dans les langues slaves qu'en allemande, moins hâtive en allemande que dans les langues romanes” [4, р. 14]. А этот «упадок» (упрощение, прежде всего, с грамматической точки зрения), в свою очередь, также представляет собой новый этап развития языков – “constitue une nouvelle phase d'évolution” [8, р. 15]. Получается, согласно Абелью Овелаку, что третий период в развитии языков, характеризующийся бесспорным синтетизмом, начинает проявлять стремление к упрощению, то есть к аналитизму, под влиянием скорости развития цивилизации: «La troisième phase est caractérisée d'abord par un synthétisme remarquable, mais qui ne se tarde a simplifier: une marche plus rapide de la civilization est sans nul doute la cause de cette évolution nouvelle; la précision analytique s'accroît de plus en plus» [4, р. 22].

Таким образом, Абель Овелак, вслед за Августом Шлейхером и Макс Мюллером, принимает теорию о периодах роста и распада языков, а также о явлениях синтетизма и аналитизма.

В связи с этим интересно рассмотреть и взгляды американского представителя лингвистического натурализма У. Уитни на вышеуказанные проблемы. Специалист по санскриту, профессор Йельского университета,

Уильям Дуайт Уитни также занимался сравнительно-историческим языкознанием, составлением и анализом генеалогической и морфологической классификаций языков.

В своей работе «Язык, и изучение языка» / “Language, and the study of language” (1867) У. Уитни придерживается точки зрения, что у каждого языка обязательно был некий предок, общий для ряда языков: “No existing language, no recorded language is original; each is the descendent of some earlier one, from which, perhaps, other existing or recorded languages are equally descended” [9, p. 186]. Для английского учёного отнесение языков к одной семье предполагает наличие доказательств об имеющемся для рассматриваемых языков общем предке. Об этом он говорит и в своей работе «Жизнь и рост языка» / “The Life and Growth of Language” (1908): “We have called a certain body of languages a family, the Indo-European. The name «family», we saw, was applied to it by strict analogy with the use of the same term elsewhere: the languages in question had been found, on competent examination, to show good evidence of descent from a common ancestor” [11, p. 228].

Арийскую семью языков У. Уитни (в отличие от Макса Мюллера) предпочитает, как и Абель Овелака, называть индоевропейской. Он делит её на семь языковых групп (“seven great branches”): индийскую, иранскую, греческую, итальянскую, кельтскую, славянскую и германскую («тевтонскую» – в терминологии М. Мюллера) [11, p. 180–181]. В описании многих языковых семей и групп (например, малао-полинезийской) он ссылается на Фридриха Макса Мюллера [11, p. 242].

Как и другие представители лингвистического натурализма, У. Уитни выделяет баскский и кавказские языки отдельно, как не принадлежащие ни к каким из известных языковых семей [9, p. 352–353].

В вопросе о количестве и наименовании языковых семей и групп У. Уитни соглашается не со всеми лингвистами-натуралистами. В рамках генеалогической классификации языков одним из наиболее спорных вопросов является вопрос о так называемой «туранской» семье языков. У. Уитни в работе «Язык, и изучение языка» выступает против выделения туранской семьи языков, полагая, что при современном состоянии науки подобная теория не выглядит ни научной, ни авторитетной, ни ценной: “Now some linguistic scholars, of no little note and authority <...> have set up an enormous family, which they have styled the «Turanian»; they have allotted to it the agglutinative structure as its distinctive characteristic, and have made include nearly all known tongues save the Indo-European and Semitic, not in Asia alone, but through the oceanic islands and over the continent of America. Such sweeping and wholesale conglomeration (for we can hardly call it classification), at present stage of progress of linguistic research, is wholly unscientific, and of no authority or value” [9, p. 325].

В своём труде «Макс Мюллер и наука о языке: критика» / “Max Müller and the Science of Language: a criticism” (1892) Уильям Уитни пишет о том, что нельзя объединять в одну группу языки, не имеющие реальных грамматических сходств между собой, лишь на том основании, что они не похожи ни на какие другие языки. Если М. Мюллер считает шагом вперёд выделение «ту-

ранской семьи», то У. Уитни полагает, что это шаг назад: “He is still, however, under the impression that <...> the setting up of «Turanian family» to contain all the Asiatic languages which are neither Arian, nor Semitic was a step forward. <...> In this he is doubtless mistaken. <...> It was a step backward” [10, p. 49].

Если М. Мюллер утверждает, что существуют две основные языковые семьи (семитская и арийская), выделяемые на основе «реального сходства», заключающегося в наличии общих грамматических элементов, то У. Уитни считает, что необходимо больше критериев для объединения языков: “It seems accordingly, that «real relationship» does not make a family, unless it reaches a certain undefined grade of closeness” [10, p. 45].

Хотя У. Уитни и выступает против выделения «туранской» семьи языков, он не согласен, что термин «языковая семья» подходит лишь к арийским и семитским языкам: “There is, in fact, no discoverable reason for limiting the name «family» to Arian and Semitic” [10, p. 46]. М. Мюллер же категоричен, утверждая, что только эти языковые семьи заслуживают названия «семейств» языков, и больше никакие другие, объясняя это существованием рас, которым и соответствуют данные языковые семьи: “There were no more, and we cannot make more” [10, p. 47].

У. Уитни критикует М. Мюллера за ошибочное мнение по поводу праязыков. Так, М. Мюллер полагает, что существование праарийского языка (“Proto-Aryan”), из которого вышли санскрит, греческий, латинский, тевтонский, славянские и кельтские языки – это «фикция», дань моде. Он считает, что эта версия праязыка просуществует не дольше той, согласно которой арийские

языки образовались из санскрита. Это мнение У. Уитни считает ошибочным и выступает за существование праарийского языка [10, p. 51-55].

Уильям Уитни не приемлет некоторые формулировки, употребляемые Максом Мюллером. Например, английский учёный утверждает: невозможно вообразить, что существовал нормативный праарийский язык, такой же, как и санскрит, который потом модифицировался под воздействием строгих фонетических правил [10, p. 52]. А У. Уитни заявляет: никто и не осмеливается вообразить, что праарийский язык был столь же нормативен, как и санскрит (“No one has ever ventured to imagine that the original Arian tongue was as settled as Sanscrit” [10, p. 53]); но, с другой стороны, очевидно: каким бы фонетическим изменениям этот язык ни подвергся, они, в любом случае, были бы строги и соответствовали бы определённым правилам (“whatever phonetic modifications it afterward underwent were «according to strict phonetic rule» and could not have been otherwise” [10, p. 53]).

Особой критике американского учёного подвергся вывод М. Мюллера о том, что ни один звук санскрита не мог стать греческим звуком: “No Sanscrit letter can become a Greek letter” [8, p. 198]. У. Уитни не может согласиться с этим и сравнивает научность данного утверждения с отрицанием того, что день сменяет ночь [10, p. 58]. М. Мюллер, однако, не утверждает, что между этими языками нет ничего общего, а лишь говорит, что санскрит, греческий и латинский языки восходят к одному источнику: “No Greek ever took the Sanscrit word and modified it, but all three received it from a common source”

[8, p. 198]; «Санскрит, как мы видели выше, не мог называться их отцом, но только их старшим братом» [1, с. 126].

У. Уитни, в свою очередь, как и другие представители лингвистического натурализма, выделяет в языке явления аналитизма и синтетизма: "... auxiliaries, form-words, instead of suffixes, formative elements in words; and these later means we are accustomed to call analytic, as distinguished from synthetic" [11, p. 211], а также полисинтетизма, применительно к некоторым языкам американских индейцев, эскимосов [11, p. 262].

Рассматривает У. Уитни и морфологическую классификацию языков. В работе «Язык, и изучение языка» он считает правильным выделить два класса языков: односложный (изолирующий) и многосложный (флективный): "The language of mankind have been divided into two grand classes, the monosyllabic (otherwise called isolating, or radical) and the polysyllabic (or inflectional)" [9, p. 358]. К первому типу он относит китайский язык и некоторые другие ("as the Annamese or Cochinese, the Siamese, and the Burmese" [11, p. 239]); ко второму типу – все остальные языки.

Другие представители натуралистической концепции языкознания (А. Шлейхер, М. Мюллер, А. Овелап) предлагают трёхкомпонентную систему морфологической классификации языков, отдельно выделяя агглютинирующие языки как класс. Такую классификацию Уильям Уитни считает удобной, но несовершенной: "The wider distinction of languages as isolating, agglutinative, and inflective, which has a degree of currency and familiarity, offers a convenient, but far from exact or absolute..." [11, p. 277].

Однако, как и другие лингвисты-натуралисты, У. Уитни признаёт переход языков из одного типа в другой: "... the three degrees lie in a certain line of progress, but, as in all such cases, pass into one another" [11, p. 277]. И даже считает такое преобразование видов в лингвистике одним из фундаментальных и определяющих принципов науки о языке: "Transmutation of species in the kingdom of speech is no hypothesis, but a patent fact, one of the fundamental and determining principles of linguistic study" [9, p. 175].

Исходя из вышеизложенного, мы можем констатировать следующее: все учёные натуралистического направления считают, что языки объединяются в группы и семьи, благодаря наличию общих грамматических и лексических признаков, но несколько расходятся в отнесении языков к тем или иным группам и семьям, например, в вопросе о «туранских языках». Кроме того, все лингвисты-натуралисты признают явления синтетизма и аналитизма, а также деление языков на изолирующие, агглютинирующие и флективные языки (Уильям Уитни, однако, предпочитает двухкомпонентную классификацию языков). Наконец, все лингвисты, придерживающиеся натуралистической концепции языкознания, полагают, что языки переходят с течением времени из одного типа в другой (от простого к более сложному), благодаря собственному развитию и развитию цивилизации. Это явление названо ими «преобразованием видов в лингвистике», по аналогии с эволюцией биологических организмов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Мюллер, Фридрих Макс. Лекции по науке о языке. Перевод с английского. Изд. 2-е, доп. М.: Либроком, 2009. 314 с.
2. Овелака, Абель. Лингвистика. Перевод с французского. Изд. 2-е, доп. М.: Либроком, 2009. 328 с.
3. Hovelacque, Abel. La linguistique. 3-й издание. Paris: C. Reinwald, Librairie d'éditeur, 1881. 436 p.
4. Hovelacque, Abel. L'évolution du langage. Paris: Typ. A. Henner, 1885. 24 p.
5. Hovelacque, Abel. Mélanges de Linguistique et D'anthropologie. Paris: Ernest Leroux, éditeur, 1880. 330 p.
6. Müller, F. Max. La stratification du langage. Traduit par M. Havet // Recueil de travaux originaux ou traduits relative a la philology & a l'histoire littéraire. Paris: Librairie A. Franck, 1869. P. 3-35.
7. Müller, F. Max. Lectures On the Science of Language. 6-th ed. In two volumes. Vol. 1. London: Longmans, Green and Co, 1871. 371 p.
8. Müller, F. Max. Lectures On the Science of Language. 6-th ed. In two volumes. Vol. 2. London: Longmans, Green and Co, 1871. 371 p.
9. Whitney, William Dwight. Language, and the study of language. London: Trübner and CO, 1867. 490 p.
10. Whitney, William Dwight. Max Muller and the science of language: a criticism. New-York: D. Appleton and company, 1892. 80 p.
11. Whitney, William Dwight. The life and the growth of language. An outline of linguistic science. New-York: D. Appleton and company, 1908. 328 p.